

Владимир МИЛЬЧЕВ,
Виктор ФИЛАС

**МЕМУАРЫ ИВАНА ШТЕРЕВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ
1920–1930-х гг. В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА**

<https://doi.org/10.52603/rec.2022.31.08>

Rezumat

**Memoriile lui Ivan Șterev ca sursă pentru studierea
auto-identificării populației ce a locuit la nord de
Marea Azov în anii 1920–1930
în condițiile multiculturalismului**

Articolul este dedicat studiului conținutului informațional al înregistrărilor lui Ivan Șterev (1910–1989), originar din satul bulgar Inzovka, situat la nord de Marea Azov (Tavria) – „Familia Șterev. Memorii autobiografice”. Textul lor arată principalele tendințe în influențele reciproce ale principalelor etnii ale regiunii. Face posibilă studierea manifestărilor specifice cu caracter antagonic și complementare în relațiile interetnice, rolul factorului de sovietizare al satului bulgar din sudul Ucrainei în întrepătrunderea culturilor. S-a stabilit influența factorului educațional asupra formării identităților străine (rusă) și supranațională (slavă comună; sovietică) în rândul tinerilor bulgari din regiune. Pe baza unui material empiric larg, se studiază pătrunderea așa-numitului „nou mod de viață socialist” în mediul țărănesc tradițional bulgar: asimilarea hainelor naționale, formele de petrecere a timpului liber, schimbarea accentului strategiilor de viață. O atenție deosebită a fost acordată percepției „străinilor” (non-bulgari) – autorul însuși, rudele sale și cel mai apropiat cerc. S-a arătat dispariția xenofobiei și răspândirea ideilor de internaționalism în rândul tineretului sovietizat din satul bulgăresc.

Cuvinte-cheie: memorii, Ivan Șterev, diaspora bulgară, regiune situată la nord de Marea Azov, multiculturalism, rusificare, modernizare sovietică.

Резюме

**Мемуары Ивана Штерева как источник изучения
самоидентификации населения Северного
Приазовья 1920–1930-х гг. в условиях
мультикультурализма**

Статья посвящена исследованию информативности записей уроженца болгарского села Инзовка, расположенного в Северном Приазовье (Таврии) Ивана Штерева (1910–1989) – «Семья Штеревых. Автобиографические воспоминания». Их текст показывает главные тенденции взаимных влияний основных этнических групп региона – украинцев, русских, болгар, евреев и др. Он дает возможность исследовать конкретные проявления антагонистического и комплиментарного характера в межэтнических отношениях, роль фактора советизации болгарского села на юге Украины во взаимопроникновении культур. Было установлено влияние образования на формирование иноэтнических (русской) и наднациональных (общеславянской; советской) идентичностей у болгарской молодежи региона.

На широком эмпирическом материале исследовано проникновение так называемого нового социалистического быта в традиционную болгарскую крестьянскую среду: ассимиляция национальной одежды, форм досуга, смещение акцентов жизненных стратегий. Особое внимание было уделено восприятию «чужих» (не болгар) самим автором, его родственниками и ближайшим окружением. Было показано отмирание ксенофобии и распространение идей интернационализма в среде советизированной молодежи болгарского села.

Ключевые слова: мемуары, Иван Штерев, болгарская диаспора, Северное Приазовье, мультикультурность, русификация, советская модернизация.

Summary

**Ivan Shterev's memoirs as a source for studying the
self-identification of the population living north of the
Azov Sea in the 1920s–1930s
under conditions of multiculturalism**

The article is devoted to the study of the informational content of the records of Ivan Shterev (1910–1989), a native of the Bulgarian village of Inzovka, located in the Northern Azov Sea (Tavria) – “The Shterev family. Autobiographical Memoirs”. Their text shows the main trends in the mutual influences of the main ethnic groups of the region. It makes it possible to study specific manifestations of an antagonistic and complementary nature in interethnic relations and the role of the Sovietization factor of the Bulgarian village in southern Ukraine in the interpenetration of cultures. The influence of the education factor on the formation of foreign and supranational identities among the Bulgarian youth of the region is established. Based on broad empirical material, the penetration of the so-called “new socialist way of life” into the traditional Bulgarian peasant environment is studied: the assimilation of national clothes, forms of leisure, a shift in the emphasis of life strategies. Particular attention is paid to the perception of “strangers” (non-Bulgarians) – the author himself, his relatives and the closest circle. The death of xenophobia and the spread of the ideas of internationalism among the Sovietized youth of the Bulgarian village are shown.

Key words: memoirs, Shterev Ivan, Bulgarian diaspora, Northern region of Azov Sea, multiculturalism, Russification, Soviet modernization.

Общее описание жизненного пути и источниковедческий анализ творческого наследия Ивана Ивановича Штерева (1910–1989), родившегося и проводшего юность в болгарском

селе Инзовка в Северном Приазовье (Таврии), в свое время были осуществлены в научной публикации, подготовленной одним из соавторов данной статьи (Мильчев 2009: 137-147). Вместе с тем информативная составляющая его мемуаров все еще не была актуализирована. И это при том, что текст не только содержит уникальные сведения по истории повседневной жизни таврических болгар, но также дает возможность исследовать проблемы их национальной самоидентификации в контексте более широкого мультикультурного диалога в регионе.

Исходя из данного факта, авторы поставили перед собой цель показать особенности «раскрытия себя миру» со стороны молодого поколения таврических болгар на начальном этапе советской модернизации в 1920-х – начале 1930-х гг. Случай И. Штерева, запечатленный им, подходит для этого как нельзя лучше. Научная новизна работы в немалой степени определяется отсутствием специальных трудов по смежной проблематике, выполненных не только на болгарском материале из региона Северного Приазовья, но и на примере исследования мемуаристики, происходящей от иных (в первую очередь «малых») этнических групп края – немцев, албанцев, греков, евреев и пр.

И. Штерев оставил потомкам пространные литературные воспоминания автобиографического характера, помещенные в двух книгах: 1) книга первая – «Семья Штеревых. Автобиографические воспоминания четырех поколений периода 1793–1980 годов»; 2) книга вторая (без названия), состоящая из двух тематических частей: а) «Детство и юношество Вани Штерева, потомка четвертого поколения болгарской семьи Штеревых»; б) «Жизнь против жизни. Авторизированная повесть из воспоминаний потомка четвертого поколения болгарской семьи Штеревых». Абсолютное большинство указанных рукописей было опубликовано в девятом томе серийной публикации «Источники по истории Южной Украины», которую осуществляет Запорожское отделение Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. Таким образом, они были введены в научный оборот и стали доступны для научного исследования (Штерев 2006).

Отметим, что первые двадцать лет своей жизни, с 1910 по 1930 гг., И. Штерев провел в родной Инзовке и окрестных болгарских селах – Райновке, Преславе и др. Верхним хронологическим пределом его воспоминаний является 1930 г. (они

так и не были доведены до 1980-х гг.). Текст мемуаров чрезвычайно интересен для выяснения того, какими же были реалии межэтнических и межкультурных взаимодействий в болгарских селах Северного Приазовья в межвоенный период. Более того, жизненная судьба самого мемуариста в полной мере запечатлела в себе отражение тех процессов модернизации, которым подверглись болгарские села в Таврии в первой трети XX в.

Фактически стратегии построения собственной успешности, развитие карьеры И. Штерева наглядно демонстрируют нам механизмы, объясняющие частичную потерю болгарской этничности, ее размывание и замену новыми ментальными конструктами не только на примере конкретного лица, но и (в проекции) целой возрастной и социальной страты болгарской диаспоры региона – так называемой советской молодежи, социализовавшейся в реалиях нового общественного строя.

Следует отметить, что сам Иван Штерев совершенно трезво оценивал культурные, языковые, социальные и прочие метаморфозы, происходившие с ним самим и вокруг него в бурные годы эпохальных перемен. Уже в зрелом возрасте, имея за плечами более семи десятков прожитых на свете лет, он довольно беспристрастно определился с самоидентификацией. Уже из первых его деклараций относительно собственного «Я» видно, что в сознании мемуариста переплелось несколько идентичностей: 1) национальная, в его случае болгарская; 2) наднациональная, а именно – групповая «славянская» (по принадлежности к «славянскому роду»); 3) политическая – по сути, русская, причем в понимании не столько этническом, сколько государственным (по факту проживания его предков и рождению его самого в Российской империи и его сознательной жизни в реалиях СССР для него самого, фактически, той же России).

Все же базовой и доминирующей для И. Штерева была первая из них – болгарская. Две другие, как считает он сам, были получены независимо от его воли – по историческим обстоятельствам, в которых оказалась его семья и в которых происходила его социализация, хотя в перечне трех своих идентичностей он ставит их перед этнонимом, с которым себя отождествляет, а именно: себя он считает «дитём (так в тексте – авт.) русским, рожденным из плоти славянской», «выходцем из обрусевших болгар, бежавших из обетованных родных балканских земель, скрываясь от турец-

кого ига», «болгарином». Первые годы своей жизни, как указывает сам автор, он провел, воспринимая и усваивая образ жизни, труда и т. п. в традиционной болгарской крестьянской семье своих родных, не слыша и не зная другого языка, кроме болгарского (Штерев 2006: 94).

Впервые маленький Иван сталкивается с другим, неболгарским миром, когда родители отдали его на обучение в местную начальную четырехклассную школу осенью 1918 г. Как отмечал впоследствии уже пожилой И. Штерев, первый год обучения не только для него, но и для остальных детей прошел «с большим трудом в освоении русского языка и письма». За целый учебный год они преодолели трудности изучения букв, цифр и только к концу года научились читать, писать и решать задачи с однозначными цифрами. Во втором классе ученики начали читать по книге «Русский язык», писать диктанты, решать задачи на четыре действия с двузначными цифрами. Штерев вспоминает, что второй год обучения давался ему и его одноклассникам несколько легче: «Мы уже стали понимать русский язык и то, о чем говорила нам учительница на русском языке. Сами, коверкая слова, отвечали ей на русском языке, хотя и со вставкой болгарских слов» (Штерев 2006: 127).

Приблизительно с десятилетнего возраста русский язык начинает активно использоваться юным школьником. Заметим, что поколение таврических болгар, к которому принадлежал автор, было далеко не первым в череде поколений, приобщенных к школьному образованию: фактически с 1870-х гг. абсолютное большинство мужчин и значительная часть женщин обучаются в земских и церковноприходских школах, демонстрируя при этом высокий уровень грамотности даже по сравнению с населением соседних российских и украинских сел (Станчев 2009: 46). Именно образованию суждено было стать мощным инструментом русификации в болгарском селе Таврической губернии вплоть до установления советской власти и начала процессов «коренизации».

Информативность мемуаров И. Штерева для освещения процессов межэтнического взаимодействия в болгарских селах Северного Приазовья трудно переоценить. Акцентируем внимание на том, что часто важность скрытой информации не осознается даже самим автором, сосредоточенным на описании, как ему кажется, чисто бытовых моментов. Яркий пример – описание им быта семьи

его деда по матери, Ивана Тюркеджи, из соседнего болгарского села Райновки. Одним из самых ярких впечатлений от «праздничных гостеваний» Штеревых у деда на долгие годы осталось угощение их жарким из воробьев, в приготовлении которого участвовал и сам автор. И. Штерев не указывает точно время года, когда состоялась поездка в Райновку, но по косвенным приметам было это зимой. Когда на дворе стемнело, дед предложил двум своим внукам, одним из которых был сам Иван, помочь ему с приготовлением ужина, но ужина «непростого». Приладив им на спины мешки и снабдив домотканой дерюгой, он отвел их к старой скирде и объяснил, что там ночуют воробьи. Накрыв скирду покрывалом, чтобы птицы не вылетели, дети затем доставали воробьев из гнезд и складывали в мешки. После этого дед в летней кухне отрывал им головы и ошпаривал кипятком. Когда тушки воробьев пропаривались, их ощипывали и потрошили. Затем птичек нанизывали на металлические шампуры и немного прожаривали, чтобы выгорели оставшиеся перья. После этого тушки складывались на противень, заливались теплым сливочным маслом и помещались в хорошо протопленную печь до готовности. Автор при этом отмечает, что такая охота на воробьев и их дальнейшее приготовление повторялись каждый раз, когда семья приезжала в гости к деду (непонятно правда, говорилось ли о посещениях именно на зимние праздники, или о более частых визитах) (Штерев 2006: 111).

«Этнографизм» описываемых действий деда, непонятный даже самому автору, можно было бы связать либо с каким-то курьезом, либо с вынужденными практиками голодных 1921–1923 гг., к которым, собственно, и относятся наблюдения маленького Вани, если бы не то обстоятельство, что в Райновке, населенной в основном переселенцами из «туканской» махалы бессарабского Вайсала и, отчасти, из туканского же Таш-Бунара (Ганчев, Мильчев, Пригарин 2015: 58–66), в 1862 г. поселяется и часть выходцев из с. Кубей – гагаузов (Бунина 1950: 242–259).

Именно для гагаузов было характерно употребление мяса воробьев в качестве обрядового блюда, которым разговлялись на Рождество (Квилинкова 2013). Поскольку у таврических гагаузов «болгарская» самоидентификация сохраняется по настоящее время, члены семьи Тюркеджи, подобно другим, тоже считали себя болгарами, сохраняя, однако, определен-

ный слой обрядового фольклора, присущий именно болгарам-тюркофонам. «Гагаузская» версия происхождения данного обычая у райновцев выглядит вполне вероятной. Несмотря на то, что аналогичный обычай фиксируется исследователями в отдельных местностях по всей южнославянской территории, в том числе в самой Болгарии, у остальных болгарских групп Таврии эта особенность не была зафиксирована этнографами, например, тем же Н. С. Державиным (Гура 1993: 43-49).

Не исключено, что суровые реалии голодных лет способствовали не только сохранению, но и реанимации подобных этнографических рудиментов, переводу экзотического обрядового блюда в категорию пищи повседневного употребления. Как бы то ни было, для этнолога-специалиста описание подобных сюжетов должно послужить ценным материалом для выявления фактов сосуществования нескольких болгарских этнографических групп в одном селе, взаимопроникновения и ассимиляции их обрядового календарного фольклора.

Еще одним из факторов размытия традиционной болгарской культуры (особенно материальной) в селе становятся инновации быта. По мемуарам И. Штерева лучше всего прослеживаются изменения в одежде, которую, согласно воспоминаниям, использовал он сам. Одежда для него становится своеобразным индикатором не только образованности (=интеллигентности), но и определенным мерилем успешности в жизни. Сын родителей-средняков (а скорее крепких середняков, фактически кулаков, из-за чего его даже исключают из комсомола в 1929 г. и о чем сам он вспоминает вскользь и с неохотой), Иван демонстрирует талант и желание учиться, из-за чего в 14-летнем возрасте родители отвозят его для продолжения обучения в семилетке (в выпускном 7-м классе) в соседний Преслав – культурный и образовательный центр болгар Таврии (сентябрь 1924 г.). Первое впечатление Штерева от нового места и его будущей домохозяйки, у которой он будет отныне квартировать: «Из дома вышла солидная краснощекая дама, чисто одетая в модное широкое платье полуинтеллигентного, полуболгарского покроя». Подобное противопоставление – интеллигентное vs болгарское (даже не «городское» против «сельского») уже само по себе достаточно симптоматично: собственная этничность, по крайней мере в ее бытовом варианте, не воспринимается как нечто прогрессивное и достойное подра-

жания (Штерев 2006: 145).

Очевидно, что примерно так же рассуждают и родители Вани, поскольку, посмотрев на то, «в чем ходят» в «культурном» Преславе, через несколько дней решают сделать up-grade своему чаду: «Из нашей домашней овечьей шерсти весенней стрижки бабушка Марина напярля тонкой белой пряжи, а мама на домашнем ткацком станке выткала материю. Затем ее покрасили в темно-синий цвет и отдали шить портному Терзиеву Федору. А отец в г. Ногайске (ныне г. Приморск) купил ботинки с галошами. Рассматривая обновки, я заметил, что пальто сшито по фасону „венгры“, с низким стоячим воротником в черно-каракулевой обшивке. Левая сторона застежки, низ и задняя прорезь тоже были обшиты черным каракулем. Ширина каракулевой каймы была не более 4–5 сантиметров, подкладка была из хорошо выделанной кожи ягнят, с короткой белой шерстью. Френч с отложным воротником и четырьмя накладными карманами. Брюки полуклеш. Ботинки черные, хромовые, с тупым носком; галоши блестели и в ботинки были вложены две пары черных шерстяных носков домашней вязки» (Штерев 2006: 149).

Понятно, что подобные метаморфозы, произошедшие с его имиджем, нравятся подростку, да еще и изрядно! Более того – они становятся дополнительным стимулом для того, чтобы стремиться учиться еще лучше, получить «человеческую» специальность и стать, соответственно, «человеком», а не самым обычным деревенщиной. К такому мнению его подталкивает и первая в его жизни поездка в город – в Мелитополь, совершенная летом 1925 г. вместе с отцом. В городе ему нравится решительно все – ритм жизни, необычность и пестрота человеческой массы, уйма магазинов (расцвет НЭПа!)... (Штерев 2006: 165-167).

Проучившись год в Преславе, Иван, по совету соседа, вместе с тремя другими инзовскими ребятами, в августе 1925 г. пытается поступить в Молочанское техническое училище, чтобы стать механиком. Молочанск (до 1915 г. – Гальбштадт) был центром меннонитских поселений на р. Молочной и с середины XIX в. снискал славу очага распространения знаний в сфере сельского хозяйства и машиностроения. Попытка оказывается неудачной, поскольку ни один из троих парней не проходит. Причина этого довольно прозаична – несмотря на хорошие знания по математике, они плохо владеют русским языком, из-за чего им

советуют «подучиться» и приехать через год (Штерев 2006: 179-181).

Неудача на вступительных экзаменах вынуждала задуматься о том, где работать, поскольку 15 лет – возраст вполне взрослый по меркам того времени, а семилетка, хоть и не университет, но все же отличает того, кто ее завершил, среди массы окончивших 4 класса. Понятно, что работа должна носить «интеллигентный» характер – в конце концов так хотят и родители, а не только сам Иван. В судьбе племянника участвует его родной дядя Кирилл, работающий бухгалтером в отделении кредитного Сельхозбанка в соседнем русско-украинском селе Орловке. С октября 1925 г. Иван уже числится вестовым и учеником при своем дяде (Штерев 2006: 181-182).

Если не считать поездок в Мелитополь и Молочанск, а также «языковых погружений» школьных лет, почти целый год жизни (с осени 1925 до лета 1926 г.) в Орловке становится первым опытом его существования в отрыве от болгарской культурной и языковой среды. Ситуация, в которой оказывается Иван, является для него, в определенной степени, стрессом еще и потому, что Орловка в его представлении, укоренившемся еще с детских лет, фигурирует как своеобразная «территория зла». Расположенное посередине пути из родной Инзовки в Райновку, в которой живет дед по матери, это село таило в себе многочисленные опасности. Одним из наиболее сильных воспоминаний детства для И. Штерева стали гонки, которые совершал отец, проезжая через Орловку: пара жеребцов, запряженных в тачанку, изо всех сил мчалась галопом по главной улице, а вдогонку им местные мальчишки-хулиганы бросали камни и палки, увидев, что едут именно болгары (Штерев 2006: 109-110, 113).

И вот в этой страшной и враждебной Орловке Иван отныне должен был жить. То, что он живет у родного дяди, мало исправляет ситуацию, поскольку тетя – Мария Васильевна (жена дяди Кирилла) – была местной украинкой. Как нельзя лучше соответствует ей, по мнению Ивана, и ее девичья фамилия – Задирака. Он замечает, вспоминая дни своего квартиранства: «Это был очень злой человек. Попробуй что-нибудь не выполнить так, как она сказала, посыплется столько брани, что сам станешь не рад своей неосторожности. Ругая, она выходила из себя, нарушала основы человеческого приличия, превращалась в хищного зверя, выкрикивала недостойные слова, лицо ее наливалось кровью,

глаза расширились, чуть ли не вылезали из орбит...» (Штерев 2006: 181-182).

Однако уже довольно скоро выясняется, что село населено не только дебоширами, готовыми забрасывать камнями добропорядочных болгар, не только «задираками», но и вполне нормальными, даже симпатичными людьми. С местными мужчинами и парнями Иван работает вне основного места работы в банке, подрабатывая почасовым и поденным сельхозтрудом (стремление заработать карманные деньги оказалось сильнее стремления «держать фасон»). Более того, он вскоре интегрируется в компанию местной молодежи и даже обзаводится первой в своей жизни «симпатией» по имени Маруся Пархоменко (Штерев 2006: 187).

Восприятие юным Иваном Штеревым «чужих», то есть не болгар, вообще является довольно интересным сюжетом, пройти мимо которого мы не можем. Уроженец Северной Таврии – одного из наиболее многонациональных регионов Украины, он, конечно же, рано или поздно должен был получить опыт общения с представителями других этносов.

Как мы уже говорили, летом 1925 г. Иван предпринимал попытку поступить в техническое училище в Молочанске (Гальбштадте). Конечно, ему, вместе с отцом, а также другими потенциальными абитуриентами, пришлось снимать жилье у местных жителей. Ими были местные меннониты (потомки сектантов-анабаптистов из Фламандии и Фризии). Однако юноша называет их «молоканами»: «Приехав в Молочанск, после недолгих поисков мы остановились на постой у жителей поселка, народности молокане» (Штерев 2006: 179). Его логика вполне очевидна для него самого – если это «Молочанск» (от названия р. Молочной, на которой стоит город), то жить там должны «молокане». При этом он неуместно употребляет группоним для определения последователей русского сектантского течения протестантского толка (переселенцы начала XIX в. с Тамбовской губернии), который происходит от особенностей проведения ими обряда причащения – не вином, а молоком; они также проживали по соседству в с. Ново-Васильевка. Главное впечатление юного Штерева от быта молочанских меннонитов – приготовление ими на обед экзотической, на его вкус, яичницы с помидорами, которую он едва сумел проглотить (Штерев 2006: 180).

Учеба на 6-месячных коммерческих курсах бухгалтеров в Мелитополе (осень 1926 г. – зима

1927 г.) не только стала логическим продолжением его карьеры и предыдущего года, который он проработал в Орловском сельхозбанке под руководством своего дяди, но и очередной вехой в расширении горизонтов его знаний о «других». Знания эти пришлось усваивать в компании своих сверстников-болгар. Получив место в комнате для четырех человек, Иван не без приятного удивления узнает о том, что его соседи тоже болгары – двое из с. Мариновка, а один из с. Манойловка, о чем немедленно сообщает в письме родителям (очевидно, эта новость должна немного успокоить их: ребенок среди своих, не обидят). Показателен тот факт, что все четверо всюду пытаются соответствовать городской среде – в первый день разговаривают между собой на русском, а о том, что все они болгары (двое мариновцев, конечно же, знали это о себе и так), узнают только тогда, когда садятся вместе ужинать и у каждого обнаруживаются хорошо известные им болгарские продукты, которые не перепутаешь ни с какими другими (Штерев 2006: 191).

Со дня знакомства и до окончания обучения на курсах четверка ребят-болгар начинает в свободное время знакомиться с окружным центром – Мелитополем и его жителями. Наибольшее изумление у них вызывают евреи – «этнический элемент», практически неизвестный в болгарских селах Таврии того времени. В синагогу ребята ходят несколько раз и всё удивляются ее несхожести с церквями: неопрятности и обшарпанности помещения, тому факту, что раввин выходит для богослужения на сцену из-за завес и играет на шарманке... Поражают их и прихожане: «Пока не вышел раввин, все они сидели на скамейках со спинками, лузгали семечки и вели между собой шумные разговоры». Не исключено, конечно же, что ребята просто попали не в самую презентабельную синагогу Мелитополя (в городе их было несколько), однако первое впечатление, как известно, самое сильное. Поэтому и формирование образа евреев как такового, и отношение к ним в дальнейшем во многом могло быть предопределено для И. Штерева именно тогда, в юности (Штерев 2006: 193).

Воспоминания Штерева зафиксировали и несколько более драматических (если не трагикомических!) эпизодов, свидетельствующих о проявлениях бытовой ксенофобии в болгарском селе Таврии. Так, после окончания бухгалтер-

ских курсов 17-летний Иван устраивается работать агентом в Коларовскую районную кооперацию. Труд не тяжелый и даже веселый – вместе с двумя товарищами развозить на бричке товары по сельским магазинам, собирая заготовленные крестьянами яйца, масло, мед и т. п. Во время одного из путешествий 1927 г. у юных кооператоров возникает необходимость заночевать в болгарском селе Лозоватке, или Вайсале, как его неофициально называют до сих пор. Иван вспоминает, что это можно сделать у сестры его отца тети Кристины, которая живет здесь замужем за местным – Михаилом Макриевым.

Уже в темноте фургон кооператоров подъезжает к воротам их подворья, и предпринимаются попытки вызвать на улицу хозяев. Те сначала упорно не хотят выходить, когда же наконец-то появляется дядя (калеку Мияль) с охотничьим ружьем в руках, то он готов вот-вот открыть огонь по нежелательным визитерам. После целого получаса «идентификации» он соглашается принять племянника и его друзей на ночлег. Гости пытаются выяснить причину дядиной настороженности. Она прозаична: их бричка является «цыганской», то есть разукрашенной (очевидно, купленной при каких-то обстоятельствах райкооперацией у цыган), а «от цыган, как известно, добра ждать не стоит: „они как только появляются на свет белый, уже живут обманом и воровством, а в свой престольный праздник завлекают детей, а иногда и взрослых людей, отрезают им головы и пьют их кровь”» (Штерев 2006: 291-292).

Как видим, образ цыган в воображении рядового крестьянина-болгарина не только однозначно отрицательный, но и, что более интересно, двухкомпонентный. На него наслаивается образ другого «чужого» – еврея, с легко угадываемым традиционным «кровавым наветом». Конечно, все можно было бы списать на одиозную фигуру дяди-невежды, но факт остается фактом – всегда, включая советскую пору, болгарское село Таврии органично отторгало оба элемента – цыганский и еврейский, пресекая любые попытки адаптации последних в социальные структуры, даже в качестве общественно полезных ремесленников или торговцев. Исключение составляли разве что наиболее развитые в экономическом и культурном отношении села – Преслав и Цареводаровка (Ботево).

Сам Иван в свои 17 лет этот и подобные случаи нетерпимого отношения к «другим» вос-

принимает не только с юмором, но и со скепсисом. С одной стороны, этому способствует его опыт нахождения в иноэтническом окружении (хотя и небольшой), а с другой – этого требуют стандарты «новой жизни», ведь в 1927 г. он становится комсомольцем. Мироззрение юноши понемногу меняется вместе с окружающей действительностью. Это хорошо видно хотя бы из его, уже с первых слов откровенно насмешливых, описаний Пасхи указанного года: «В новую эру жизни, в году 1927-м, 3 апреля дня, с всенощной пасхальной, с заутрени возвращались в насиженные родные христианские дома одни лишь бабы и деды, и то их было негусто. Дурман церкви для народа стал уже известен и неуважаем...» (Штерев 2006: 219).

Поскольку Иван уже понемногу превращается в Ивана Ивановича – он имеет образование, профессию, в конце концов, аванажный имидж, меняется и его молодежная компания, и характер досуга – здесь уже нет места мальчишеским проделкам, «уро» (хоро) на сельской площади или домашним «седянкам». Ивана принимают в круг «золотой молодежи» Инзовки: здесь играют на пианино, мандолине, гитаре, строят планы будущего поступления в вузы Харькова, Москвы и Ленинграда... Окружение это хотя и не вполне «пролетарское» (по своему социальному происхождению юноши и девушки из кулацких и середняцких семей), но комсомольское (зима с 1927 на 1928 г.; «чистки» в партийных и комсомольских организациях еще только начинаются, не вступив в силу) (Штерев 2006: 269). Поэтому, в свете данных зарисовок из воспоминаний, нам не кажется несомненным пропагандируемый официальными властями и партией в те годы тезис о том, что носителями нового быта на селе выступала исключительно его беднейшая часть.

Иван и сам прекрасно понимает, что он не просто изменился внешне, а, фактически, уже купил себе билет в «лучшую жизнь», по поводу чего и рефлексировал в своих дневниковых записях, позже составивших основу его мемуаров, которые он написал в пожилом возрасте (правда, вкладывая, видимо, из скромности, слова в уста своей бабушки): «Ваня получил специальное образование бухгалтера. Он будет работать, сидя за столом, руки его вместо вил, лопат и граблей будут держать ручку, карандаш, пресс-папье и писать в больших книгах, которые не по-нашему называют „гроссбух“.

За шиворот на шею ему не будет капать дождь, ветер не будет пронизывать одежду; тело не будет деревенеть от злущего мороза. Перестанет он летом ходить босиком, откажется от традиционной болгарской обуви – сыромятных лаптей (царвули) и онуч (навушта), а станет носить цветные ботинки Ленинградской фабрики „Скорход“ и хромовые сапоги; вместо брюк из старого твердого брезента и перешитых старых отцовых латаных рубашек он будет красоваться в шевиотовом черном костюме, сшитом на заказ, и в плисовых рубашках с галстуком. Сидя в кабинете за рабочим столом, он будет вдыхать аромат духов вместо конского навоза и трудового человеческого пота...» и т. п. (Штерев 2006: 229-230). Как видим, отрыв от традиционной обстановки (по крайней мере, на уровне смены материальной культуры) продолжается, причем осознается и самим главным фигурантом.

Следующим шагом в карьерном росте для Штерева становится получение им в июне 1929 г. долгожданной должности бухгалтера в Преславском болгарском агротехникуме. Переехав в Преслав (здесь он уже снимает не просто комнату, а целый дом), Иван тут же становится на учет в объединенной комсомольской организации Агрономического и Педагогического болгарских техникумов. Несмотря на национальное направление образовательного процесса, публика здесь учится разношерстная – кроме болгарского большинства, учатся также украинцы, русские, немцы, албанцы, евреи и др. со всего Северного Приазовья (Штерев 2006: 308).

Агротехникум, в котором с этого времени работал Штерев, готовил агрономов трех профилей (зернового направления; овощеводства; садоводства и виноградарства) для колхозов и совхозов болгарских селений всего СССР. Русский и украинский языки, согласно программе, изучались как языковые предметы, а все специальные и общеобразовательные дисциплины преподавались на болгарском языке. Преподавательский состав, в основном, был укомплектован за счет политэмигрантов – «болгар из Болгарии», и местных образованных болгар (Штерев 2006: 299-300).

Хотя главной сферой служебной деятельности Штерева в агротехникуме был бухгалтерский учет, он не мог не стать свидетелем (и, соответственно, не записать) наиболее интересных подробностей жизни этого учебного заведения. В центре его внимания оказываются язы-

ковые реалии учебного процесса. Вообще-то И. Штерев резко негативно оценивает «коренизацию», причем как в ее «болгарском», так и в «украинском» варианте. Его записки на этот счет – это ряд анекдотических случаев. Вот из Наркомпроса УССР в техникум поступает циркуляр на украинском, которого никто не знает. Директор телеграммой отзывает из Днепрпетровска откомандированного завхоза Коцюбу – он вроде бы должен знать. Родным ему украинским языком Коцюба владеет, но не так, чтобы совсем: сельский суржик таврической деревни не помогает ему выяснить, что это за слово такое – «фах» (sic!). Руководство «бьет телеграмму» в столичный Харьков, откуда приходит разъяснение, что это то же самое, что и всем понятная «специальность» (Штерев 2006: 305). Другой описанный им случай – Болгарский сектор Наркомпроса СССР перевел все учебные пособия для национальных болгарских учебных заведений на литературный болгарский язык. Поэтому студенты из местных болгар не понимали сущности изложения – «мучились, а не учились» (как вспоминает автор, он и сам пробовал читать – понимал через слово). И наоборот, преподаватель-эмигрант, слушая ответ ученика на местном болгарском диалекте, так же невнятно воспринимал его, не говоря уже о тех, кто отвечал ему на русском и украинском языках (Штерев 2006: 306).

Однако не только языковая проблематика занимала все мысли молодого человека – здесь, в Преславе, к Ивану приходит любовь. Несмотря на множество девушек-болгарок, его избранницей становится студентка-аграрий Люба Клейнехт, немка из Крыма, сирота, чей отец погиб в 1916 г. «на войне с немцами» (факт, который дает представление об уровне «обрусения» ее семьи) (Штерев 2006: 331).

Романтические отношения молодых людей развиваются довольно стремительно, и уже в следующем, 1930 году Иван ставит родителей перед фактом: «Женюсь». Увы, ни его чувства, ни его выбор не находят у них понимания. Несмотря на всё их желание видеть сына образованным, занятым на «интеллигентной» работе и одетым по-городскому, они не дают благословения на этот брак с неболгаркой. Апофеозом отношений двух любящих сердец становится их самовольная роспись и поспешный тайный отъезд на Северный Кавказ (подалее от высокомерных инзовских «монтекки»). Там Иван

работает по специальности в местных колхозах, фактически не поддерживая отношения с родней.

Связи с семьей восстанавливаются только летом 1933 г., и то из-за страшных событий – от голода и болезней весной того же года умирают его бабушка, отец и брат. При таких обстоятельствах уже не до позерства – Иван посылает жену-немку забрать и привезти к ним ее свекровь-болгарку с тремя младшими детьми (Штерев 2006: 87). Это происшествие становится не только отправной точкой примирения и воссоединения семьи, но и конечным (по хронологии) событием, описанным в мемуарах Штерева.

В качестве вывода отметим, что тщательное прочтение рассматриваемого текста ценно тем, что дает нам возможность воссоздать особенности процессов смены самоидентификации и конструирования новых идентичностей в среде таврических болгар в первой трети XX в. В результате нами было показано влияние смены социального устройства на общегосударственном уровне, с последующим ростом образовательного ценза и активизацией межкультурных диалогов, инициированных советской властью, на жизнь отдельного индивида и его ближайшего окружения. Случай И. Штерева можно считать, в этом отношении, хрестоматийным. Выйдя из традиционной крестьянской среды болгарского села Таврии, он довольно скоро, уже к двадцати годам, сменяет свой основной язык на русский, вступает в межнациональный брак, переходит на «новый быт» и становится классическим представителем «советской молодежи».

По пути, по которому прошел он, вместе с ним и после него прошли тысячи молодых таврических болгар, которые, вместе со своими сверстниками – украинцами, русскими, немцами и др., – оказались на передовой «советской модернизации» 1920–1930-х гг. Отметим, что данное обстоятельство открывает широкие перспективы для компаративных исследований, например, для сопоставления этнокультурных процессов, происходивших в местностях СССР с компактно проживающим болгарским населением, с теми, которые имели место в среде бессарабских болгар, являющихся подданными Королевства Румынии в межвоенный период.

Бунина И. К. 1950. Из истории вайсальских говоров. В: Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 2. М.–Л., с. 242-259. / Bunina I. K. 1950. Iz istorii vajsal'skih govorov. V: Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya AN SSSR. T. 2. M.–L., s. 242-259.

Ганчев А., Мильчев В., Пригарин А. 2015. Специфика миграционной активности населения региона «Сърнена Средна Гора» на рубеже XVIII–XIX вв. и ее влияние на формирование болгарской общины «туканцев» в Южной Бессарабии. В: Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. XVII, p. 58-66. / Ganchev A., Milchev V., Prigarin A. 2015. Specifica migracionnoy aktivnosti naseleniya regiona «Sarnena Sredna Gora» na rubezhe XVIII–XIX vv. i yeye vliyanie na formirovanie bolgarskoj obshchiny «tukancev» v Yuzhnoj Bessarabii. V: Revista de Etnologie și Culturologie, 2015. Vol. XVII, p. 58-66.

Гура А. И. 1993. Воробей испечен. В: Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого. М.: Наука, с. 43-49. / Gura A. I. 1993. Vorobej ispechen. V: Philologia slavica: К 70-letiyu akademika N. I. Tolstogo. M.: Nauka, s. 43-49.

Квилинкова Е. 2021. Жаркое из воробья (гагаузы). В: www.prazdnikimira.ru/holiday_cuisine/.../crismas_5/. (дата обращения – 14.08.2021). / Kvilinkova E. 2021. Zharkoe iz vorob'ya (gagauzy). V: www.prazdnikimira.ru/holiday_cuisine/.../crismas_5/. (data obrashcheniya – 14.08.2021).

Мильчев В. 2009. Иван Штерев – незнаний таврійський мемуарист: доля та спадщина. В: Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т. 10, с. 137-147. / Milchev V. 2009. Ivan Shterev – neznaniy tavrrijs'kiy memuarist: dolya ta spadshchina. V: Balgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledovaniya i materialy. T. 10, s. 137-147.

Станчев М. 2009. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1 (1711–2006). Статистический сборник. София: Академическое издательство «Марин Дринов». / Stanchev M. 2009. Bolgary v Rossijskoj imperii, SSSR, stranah Baltii i SNG. T. 1 (1711–2006). Statisticheskij sbornik. Sofiya: Akademicheskoe izdatel'stvo «Marin Drinov».

Штерев И. 2006. Воспоминания. В: Джере-ла з історії Південної України. Т. 9 (Упорядники: А. Бойко, В. Мильчев). Запоріжжя: РА «Тандем-У». / Shterev I. 2006. Vospominaniya. V: Dzherela z istorii Pivdennoyi Ukrayiny. T. 9 (Uporyadnyky: A. Boyko, V. Milchev). Zaporizhia: RA «Tandem-U».

Vladimir Milcev (Zaporojie, Ucraina). Doctor habilitat în istorie, profesor, Universitatea Națională din Zaporojie.

Владимир Мильчев (Запорожье, Украина). Доктор хабилитат истории, профессор, Запорожский национальный университет.

Vladymyr Milchev (Zaporizhia, Ukraine). Doctor of History, Professor, Zaporizhia National University.

E-mail: vladmilchev@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4432-3322>

Viktor Filas (Zaporojie, Ucraina). Doctor habilitat în istorie, profesor asociat, Academia Națională Hortița.

Виктор Филас (Запорожье, Украина). Доктор исторических наук, доцент, Хортицкая национальная академия.

Viktor Filas (Zaporizhia, Ukraine). Doctor of History, Associate professor, Khortytsia National Academy.

E-mail: filasvn@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3770-8670>